

Денис МАКУРИН

с. Холмогоры

ПОМОРЕЦКАЯ ОКУТКА¹

Лоскутные небылицы

МЕЗЕНСКИЙ ЯНТАРЬ

Сбылых времён в городе Мезени морошка — любимое лакомство. Дети и взрослые ягоду всю зиму ложками едят: утром — с кашей, днём — с простоквашей, а вечером — с пирогом. Мезенцам с таким аппетитом ни хвори, ни простуды — всё нипочём! А это потому, что морошка солнечным светом напоена.

Летом ягода только зреть начинает, а солнышко её с самого утра теплом насыщает. Греет оно без устали — лишь на пару часов к земле клонится, морошки от такого внимания много родится. Любуется солнце ягодой: уж больно яркая, сердцевинкой светится. Выпадет утром роса — спешит оно на небо, обогреть любимицу старается, а то и вовсе за горизонт не скрывается. Тогда Луна-сестра вздохнёт тяжело, подождёт за горой, да и прочь домой. И так с каждым днём всё больше световой день прибывает, а болото от этого словно россыпью янтаря сияет.

Ну а когда морошка поспеет, тут ни в поле, ни в море никого не найдешь, — все на болоте сокровище собирают, сочную морошку в погреба таскают. Сначала поклонятся ягоде — туса наберут. Потом по домам разнесут да бочки наполнят. Бережно, слой за слоем, ягоду распределяют да добрым словом пересыпают, а под конец двумя ведрами студёной воды заливают и крышкой наглухо забивают. Каждый хозяин бочку первой буквой своего имени помечает, затем на берег выкатывает и с угора к реке спускает. Река Мезень с большой водой придёт, с берега их заберёт и часа через два в море с отливом унесёт.

Как морошку про запас в бочки закатают да в море отпустят, так и дни короче становятся. Солнышко к этому времени хандрить, скучать начинает, всё больше времени луне уступает. Пока морошку до декабря вода сохраняет, она морской воздух и северный ветер впитает.

А перед самым Новым годом мужики опять к реке придут, проруби-майны пешнями² вырубят и бочки свои баграми выловят. Река, где взяла, туда и вернёт, — будто предписано. Ну, а уж когда бочки откроют, засияет в домах морошка — да так ярко, что и солнце на небе проснётся, — тут и день встрепенётся да на прибыль пойдёт.

ХОЛМОГОРСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ КРУЖЕВА

Случилось это недалёко от Архангельска, по левому берегу Северной Двины – том самом, что славился солёной рыбой, канатным ремеслом и лесопилками. На одной из двух улиц огромного города жил и трудился лентяй Яшка-непачканая рубашка. По солнечной стороне своего двора он пять лет тротуар мостил, по теневой – три года плетень столбил. А на десятый годок Яшка в избе русскую печь сложил. И вот какая история с той печью приключилась.

Наш Яшка-немятая рубашка уже три раза по три кирпича на раствор уместил, присел на лавку, потянулся и сам себя похвалил:

– Ай да Яшка! Вот так диво! Почитай³ полпечи осилил!

Потом глаз прищурил, основные ходы да выходы наметил, где и какое коленце загнуть, чтобы печь зимой тепло держала да избу от морозов спасала.

Кричит:

– Мать, обед-то неси!

Ну, а хозяйка, что было, на печи ему разложила: хлеб, соль, лучок, свежей редиски пучок, пару яичек, ржаной блинок да в ковше холодный квасок.

Яшка, понятно, никуда не спешил, за семь дней над горнилом свод сложил и лишь после третьей недели лежанкой всё перекрыл. На двадцать пятый день вьюшку да задвижку установил. К Яблочному Спасу трубу на крышу вывел, а после полудня дым пустил. Правда, дым не в хайло⁴, а в избу повалил.

– Вот те раз! – потёр Яшка глаз.

А в ответ кто-то:

– Чух! Бу-бух! – потом когтистыми лапами о кирпичи заскрёб. – Цык-цык! Цок-Цок! – и в трубу хвост уволок.

Яшка-от страха мокрая рубашка ещё берёсты запалил и берёзовый чурбак для пушего жару подложил. Собрался было на крышу лезть, ухватом дымоход пошурудить и непрошеного гостя на огонь посадить. Только стоило ему с хозяйкой на улицу выйти, как из трубы с дымом петух вылетел. Сам темнее чёрно от копоти, а с трубы не летит, головой и

хвостом вертит, навстречу свежему ветру горланит-вопит.

Яшка оторопел, призадумался: «Каким манером петух в печи оказался?» Да так и не смекнул, что в первый же день от него одно яйцо, что мать на обед дала, в подпечье убежало, там в тепле-тишине полежало да и вылупилось. Цыпленок крошки клевал, за Яшкой хлеб подбирал, так и вымахал в справно-го петуха.

Холмогорцы, как увидели, что чёрный петух на трубе по ветру рыщет, рты-то пооткрывали, а опосля рукава засучили да в прорезном железном кружеве диво то повторили. У нас на Севере всегда творческие люди были, а после того случая о них и в кузнечном промысле заговорили.

Вот так и родилась в Холмогорах любовь к пышному узорочью из железа, и начали славные холмогорские кузнецы флюгера⁵ да богатые орнаменты с душой изготавливать и крыши домов да усадеб украшать. Тем самым своё ремесло приумножать, а кое-что и за границу продавать.

УХТОСТРОВСКИЕ ГУСЛИ И СЕВЕРНОЕ БИЯНИЕ

Есть в наших краях, близ Холмогор, примечательный островок: пять деревень да с десяток дворов – Ухтоостров называется. Ох, и слухастый народ там живёт! Всё, что в мире происходит, они без телеграфа и радио знают. То ли где землетрясение по десятибалльной шкале или всемирный потоп чуть выше сапог, али столичный чиновник в ресторане гульнёт – им уж всё известно. Да что там земной шар! Было времечко – они и звёзды на небе в печную трубу слышали.

Однажды сладил себе ухтоостровский мужик гусли семиструнные, гостей из окрестных деревушек в свой дом пригласил, пир горой закатил. Зазвучали струны, полилась песня долгая да слуху отрадная. Только слышал мужик, что в печной трубе кто-то завыл. Прислонился ухом, прислушался, а это в небе созвездие Малой Медведицы:

– У-у-у! Я тоже музыку хочу-у-у-у...

Вышли гости на улицу, взглянули на небо. А там Большая Медведица лапами разводит:

– Да где ж я тебе её возьму?

А у Малой душа красоты просит:

– Хочу... хочу... хочу-у-у-у...

Загрустила Большая Медведица, сердце материнское сжалось – каждая звёздочка потускнела. Даже тётушка Луна побледнела. Завихрился зимний ветер, взвились вьюги, посыпал на деревню колочий снег. Еле-еле Малую спатать уложили. А ей всё снится да снится, как она на гусях играет. От этого метели пуще прежнего завывли и всю долгую ночь проскулили.

Только ухтоостровцы – народ ведь не жадный. Мужик тот и решил: «Подарю-ка гусли Медведице, а себе новые справлю».

Деревеньки-то на Ухтоострове и так на высоком угоре красуются, да к тому же за ночь ещё снегу навалило. По этаким-то сугробам мужик до неба и дошёл да гусли Малой Медведице подарил. А уж как следующая ночь настала и дрогнули струны – у жителей ухтоостровских деревень сердце замерло. Полилась такая чудная музыка, что каждая нота своим цветом откликнулась, – так северное сияние заиграло на черном небе. Дивный концерт звёзды устроили – не хватит и целой книжки, чтобы описать.

А мы и сейчас сиянием полюбоваться можем, правда, музыку-то нам, конечно, не услыхать – медведь на ухо наступил. Но знайте, если небо всеми цветами переливается – это именно ухтоостровские гусли играют.

КАК В ЗАЧАЧЬЕ РОЖДАЕМОСТЬ ОТСТОЯЛИ

В былые времена, лет так двести назад, за Breкой Большая Чача в деревне Зачачье столько зайцев развелось, что они всю капусту в огородах поели. А как капусты не стало, так и прирост населения остановился. Это в нынешнее время родители карапузов в магазине покупают, а раньше-то малышей в капусте на грядке только и находили. Вот если бы аисты выручали... Так они лишь на юге водятся и до наших суровых краёв не долетают.

Всей деревней с ушастыми решили бороться. Сначала из ружей пугали, потом силки да заборы расставляли. А беляк хоть и пуглив, да тоже не лыком шит. Он уж на завтрашний день силки разгрызёт и под оградой подкоп сделает.

На другой год мужики из города собак охотничьей породы выписали, в каждый двор по две-три лайки завезли. Но эти пройдохи каким-то манером с зайцами сдружились и целыми днями в чехарду да салочки кружились.

Тем временем, пока с зайцем боролись, население уж и вовсе на убыль пошло: детки выросли, а новые не народились. Глядишь, скоро в деревне не осталось бы никого. Как быть без капусты? Что поделывать? А ответ сам собой пришел. Месяц листопадник⁶ выручил. Или, если хотите, – свадебник.

К осени мужское население Зачачьего от общего горя совсем захандрило. И погода стояла под стать – небо посерело, весь белый свет дождём заморосило. Мужики-то тоскуют, а зайцы спокойненько шубки меняют да хозяйки с утра и до вечера полотно ткут. Тут-то, к общей радости, и пришёл в деревню гармонист Вторишка – средний сын Ивана Дроздова из соседней деревни Задора, а с ним и запоздалое Бабье лето подоспело. Начал Вторишка по дворам ходить да на гармони играть – стали селяне свадьбы справлять, а в небе голубом, пусть и невысоко, – солнышко припекать. Прояснилась погодка, потеплело.

А заяц к тому времени уже полинял и почти весь белый стал, а снега-то в октябре нет как нет. Не ожидал косою, что тепло придёт! Тут их за белые уши и переловили. Полсотни себе оставили, а остальных по окрестным деревням раздали. Тех, что оставили, к общему делу приручили: зайцы теперь вдоль полей и дорог молодой кустарник срезали, притом не зубами, а косами.

Через пару лет деревню Зачачье уже и не узнать было. Там теперь не зайцы, а ребята сбивались в стайки и, как стрижи, кружили по улицам, сверкая пятками. Только и слышно было, как тут и там над деревней детский смех переливается.

КАК НА КУРОСТРОВЕ К МИРУ ПРИШЛИ

Со времён неведомых и давних ходили братья Двинские на Куростров диких гусей да куропаток промыслять. Старший Денис ловко из ружья стрелял, младший Михайло за исправность снастей отвечал, а средний Дмитрий на стол накрывал да всё больше по дому сучал.

Месяцами Двинские на острове жили, тяготы и лишения сообща делили. Но раз крепко поспорили братья между собой, кто в артели важней.

Денис говорит:

— Хороший стрелок всей артели впрок!

Михайло — ему:

— Стрельба прошла — похвальба пошла, да только одна пчела немного меду натаскает!

А Дмитрий — обоим:

— Будет вам! Кто хвалится — тот с горы свалится!

Но братья так разошлись, что не унять. Разругались, подрались — в разные концы острова подались. Денис на левом берегу избу построил, Михайло — на правом, а Дмитрий и вовсе домой в Холмогоры вернулся.

Денис по-прежнему гусей ловил да на обед из грибов суп варил. Михайло лодки да карбаса рыбакам мастерил. Так и жили каждый в своём углу. Со временем у них жёны обжились, Ивашки да Наташки родились. Через двадцать лет и дети женились, у Михайло да Дениса внуки появились. Правый и левый берег в деревушки превратились: Денисовка да Мишанинская.

Сколько бы в ссоре и ругани жили — никому неведомо, да только спустя полвека Дмитрий на острове объявился. На середине острова кирпич сгрузил, из Денисовки и Мишанинской молодёжь подрядил. За короткий срок на острове каменную церковь выстроил, тем и братьев усмирил да многолетнюю вражду истребил. Может быть, церковь-то в честь его и назвали — Дмитриевская. Она и сейчас над островом возвышается да прихожанам помогает — к миру и согласию призывает. Ну, а так как в Денисовке народу-то побольше было, её и центральным селом объявили.

В те же года в Мишанинской деревне будущий академик Ломоносов родился. Открытиями его в России загордились, труды Ломоносова всему миру пригодились. А селяне — люди-то хоть и в Бога верующие, но от науки не открещивались. Поборника отечественного просвещения уважали, земляка своего Михаила Васильевича Ломоносова почитали. Поэтому и объединённое село спустя двести лет в честь его переименовали. Теперь оно называется — Ломоносово.

ВОНДУЛУК⁷ С КАНИНА НОСА

На самом краю Белого моря выступает полуостров Канин, а у полуострова — мыс, словно нос. К этому носу посёлок прирос. Долго думали мореходы, как обозначить сей край земли. В атласе точность нужна, а то попадёшь неизвестно куда. Все названия перебрали, в конце концов нос почесали, да так в картах и прописали «Канин Нос». Правда, к этому Носу так просто не подойдёшь, ни с Белого, ни с Баренцева моря не подплывёшь. До сих пор на том полуострове ветер-вондулук водится, сердитый — со всеми ссорится.

Вондулук с незапамятных времён на полуострове один-одинёшенек жил, ни с кем дружбу не водил. Бывало, охотники приезжали, по зайцам да казаркам стреляли. Но и с десяти шагов попасть не могли — вся дробь против ветра летела в кряжи⁸. В другой раз рыбаки оставались без ухи. Увидит ветер снасти в море: заверть поднимет, море вздыбит, сети порвёт да карбаса перевернёт. И снова живёт один — сам себе господин.

Но всё же нашелся один смельчак из деревни Чижа. Решил приручить вольный ветер Илья, отправился на Канин Нос, мол, была не была. Топоришко с собой прихватил, им и илбушку на краю света срубил. Потом расставил по берегу силки, а в море — рюжи⁹, три месяца ждал, когда ветер в ловушку закружит. Только разве ветер в петли аль сети поймаешь? Его ни в мешок, ни в короб не усадишь. Вондулук вокруг Ильи то справа, то слева — шмыг да шмыг! — всё вокруг путал, ломал, озорник.

А однажды всю ночь ветер в небе провыл.

Может, ветрянку подхватил или просто простыл? Тут же шторм разгулялся — не видно ни зги! Боты да кочи¹⁰ сбились с пути.

Один на отмели-кошке сидел до утра, другой о скалы пробил все борта, а третий снесло неизвестно куда.

Илья пережил ту бурю и мрак, а после построи на мысе маяк. И стало тогда в округе светлей, а ветер как будто немного добрей.

«Ну вот, наконец приручил вольный ветер», — сказал себе как-то Илья на рассвете. И как ни манила обратно Чижа, остался смотрителем маяка. А ветер-буян подремал лишь пять дней, сил поднабрался и дунул сильнее.

И вот уж сто лет зажигают огни. Маяк кораблям помогает вдали. Он луч морякам посылает любви да счастье хранит у края земли. И даже когда наступает зима, ничто так не греет, как свет маяка. А ветер в местах тех, как прежде, шалит: вьётся над морем, над мысом свистит.

ПИНЕЖСКИЕ КОМАРЫ

Кто в посёлке Пинега не бывал, тот и комаров не видал. Это про архангельских говорят «размером с воробья», — а по Пинеге такие летают, что с ног сбивают.

Мне ещё старые люди рассказывали, отчего в пинежских лесах столь крупная порода обьявилась. В Архангельске-то всё комарье заводы да мануфактуры распугали. По зимнему и канинскому берегу суровые ветра — шелоник да сиверко — комаров сдували. А на Пинежье пискунам покой и уют, ягоды — земляника, черника, брусника — пропитанье дают. Вот на таких-то привольных харчах и разнесло комаров невзначай.

Народ на Пинеге тоже не лыком шит: как увидел такую животину, сразу же смекнул, что к чему. Эдаких-то комаров и запрячь можно! Поле, конечно, на них не вспашешь, но кое-чего подвезти, небось, силёнок хватит. Скажем, пару-тройку мешков муки с мельницы или картошки с поля вывезти. Так и стали нарочно комаров приручать да в упряжь впрягать.

Первые-то, правда, слабенькие были, еле-еле лето отходили, хоть их и усердно хозя-

ева морковкой кормили. На зиму комаров в погреба да пещеры сносили, там они к потолку цеплялись, лишь к весне просыпались. Всю зиму крылом укрывались и друг к дружке жались, чтобы теплее было. Так и висели, как летучие мыши, вниз головой, а весной мужики забирали — каждый своего домой. Во дворах молоком да шаньгами откармливали и снова к работам принаравливали.

Порой встречались и такого рода комары — с характером вредительным. Бодались, кусались и всеми шестью лапами лягнуть пытались. Эдаких-то строптивых букетом крапивы жиганут, по правому да левому боку молодым листочком пройдут, они враз и присмиреют. Тогда повезут комаров на дальний сенокос, где полем, где дорогой, а где по воздуху через реки-озёра. Вот только от монотонного звона крыльев морить начинает, ездовой на телеге засыпает.

Через сто лет комары и к зиме приучились. Выйдет, бывало, комар из душного хлева, упадёт на бок в сугроб и давай в снегу валяться, от блох отряхаться. Накупается, напорыхается, крылышки встряхнёт и обратно в стойло уйдёт. Уж с того времени ни одной ярмарки без комариных катаний не обходилось. Особенно на Масленицу они выкомаривали, в тройку запрягались и до упаду детворе покатушки устраивали.

А самые сильные комары в пожарной части служили. Пока красных машин с сиренами не было, именно комары пожары тушили. У каждого расчёта было по три комара, своя тележка с бочкой и два багра. Один воду подавал, второй вместо шланга из хоботка на огонь поливал, а третий брёвна багром раскатывал да крыльями пламя сбивал. Пожары хоть и не частые были, но комары всегда верой и правдой служили.

С тех пор не одна сотня лет утекла, а комары и по сей день над ухом пищат — пожары не тушат, только на своём языке комарином чего-то шумят. Может быть, чаю с вареньем хоят?

ШАНЕЖНИКИ¹¹ ИЗ ЛОПШЕНЬГИ

В нынешние-то времена в деревне Лопшеньга все от мала до велика лопают шаньги в две руки. В правую — с кашей берут, в левую — с творогом. А по воскресеньям шаньги с морошкой, с толчёной картошкой и с солёным грибом. Ловко с ними справляются и дети, и старики — знай успевай, хозяйка, угощение на стол мечи.

Но только триста лет назад дело обстояло не так: была там сумятица, каждый день кавардак, даже в малых трудах всё наперекосяк. Бывало, наставят рыбаки изгородей в море, на следующий день идут проверять, а сети пустые, и возвращаются мужики ни с чем, на весь белый свет злые. Девки надумают пирогов испечь — шуму, гаму, дыму наведут. Из соседних деревень крестьяне в толк не возьмут: то ли в Лопшеньге пал¹² сухой травы, то ли Змей Горыныч напал с западной стороны. Или затеют всей деревней жито¹³ сеять, ну или картошку садить. Да пока соберутся, по должностям разберутся, пол-лета пройдёт — к осени только трава взойдёт. В животах от такого «урожая» так отчебучивало — всех в деревне от голода скручивало.

К счастью, старожилы вовремя спохватились, выручили — молодежь уму-разуму поучили:

— Без шанег и каши — ни во что и труды ваши! Садитесь-ка за общий стол, поведём житейский разговор.

А как собрались все за сытным обедом, так умудрённые старцы и поведали:

— Вы шаньги-то кушайте и нас, стариков, слушайте. Мыслишки разгоняйте да ума себе прибавляйте. В наше-то время как было: мужик с вечера дров наколет и в дом занесёт; жёнка опару поставит, а к первым петухам уже шанег испечёт. Прежде чем детвора проснётся, в каждой избе красный угол от румяных шанег озарится. А уж коли с утра пот на спине да шанежки на столе, тогда и день заладится — всё ко всему без натуги приладится.

С того времени и пошло, и поехало, и закипело дело. Муж утром встанет, в две руки шаньги возьмёт, хозяйку похвалит, чуни обует и в море пойдёт. Следом старшие сыновья по-

ломают шанежки на куски, за пазуху сунут и в поле сбегут косить до жары. Среднему с младшим своя достанется сила, по одной-то шаньге с молоком и младенец осилит. Они баню истопят, воды принесут, за ягодой сходят — той, что черникой зовут. А там и добрый обед, да такой, что к ужину оставалось.

Вот так в Лопшеньге и по сей день ладно живут, чтут и помнят наказ — шаньги пекут. Все жители — молодцы: девушки румяны-приглядны, а ребята силой ладны. Каждый день счастье в дома идёт, рано утром солнце встаёт. И баньки-то по воскресеньям сами топятся, и вода с колодцев в избы носится, и в море камбала да беломорская селёдка ловятся, а как выпадет роса, тогда и трава на лугах косится.

НЕСЬКИЕ ПЕСНИ БЛИННЫЕ

А где сейчас посёлок Несь — там испокон веков всё для счастья есть. Зимой здесь олени бегают наперегонки, а летом на пляже греют пузо тюлени до вечерней зари. Гуси, зайцы, медведи на той земле тоже в избытке водятся, в гости на чай с пирогами захаживают. Их, правда, к жилью не приваживают, в огороде принимают да через окно угощают. В городах-то народу несладко живётся: кричат, шумят, а друг друга не слышат. На улице толкнуть, спихнуть да затоптать могут. А в Неси — простор. Тундра кругом. Белое море под боком. Река. Прохлада. И никакой тебе жары.

Вот и поселились там поморы. А чего хорошему месту без человека пропадать? Избы, амбары, баньки построили. Всё, что нужно для житья и уюта, из города Мезени на карбасах перевезли. Даже патефон фирмы «Патэ» с собой прихватили. Одна беда — грампластинки забыли. А без музыки на промысле и дело не спорится. Без патефона на море ни сёмга, ни горбуша не ловится. Пробовали поморы сами песню завести, только на их грубые мужицкие голоса даже камбала не подошла, корюха-мелюзга и та разбежалась. Но и тут, однако, выход нашли, ведь для северян выдумка и смекалка — родные сёстры. Научились поморские жёнки музыку к блинам припекать.

Как начнёт хозяйка своего мужа на промы-

сел собирать, встанет у печи, песни сердечные и ласковые поёт да блины в дорогу печёт. Тесто на горячую сковороду льётся, а песня уж сама с той и другой стороны к блинку припечётся. Так целую стопку блинов с душевным теплом и напоёт, пока горячие, в берестяной пестерь¹⁴ уберёт. А уж мужики, как расставят невода и рюжи в море да заведут патефон на обрывистом берегу, так на песню блинную, душевную, былинную — по триста килограмм экземпляры ловились. А самых мелких на спине из воды выносили — таких, что хвосты по земле волочили.

Белое море вместе с рыбой песни блинные слушало да былинны поморские на волну присушивало. А очень скоро мужики вовсе без патефона обходиться стали: то навага, то треска хвостом махнет, плавником по волне проведёт — вода беломорская песню брызгами и запоёт.

С тех пор разная музыка над морем плывёт и крупная рыба в сети идёт. В общем-то, в Неси всё для промысла есть. И есть чем ловить. И есть что поесть. Вот только некому стало рыбу удить, забывает песни древний Гандвик¹⁵.

Примечание

¹ Окутка — так называют поморы одеяло.

² Пешня — лом для создания проруби.

³ Почитай — здесь в значении «почти».

⁴ Хайло — часть печи; проём, который соединяет камеру, где горят дрова, с печными ходами.

⁵ Флюгер — устройство, которое указывает направление ветра.

⁶ Листопадник — так называют месяц октябрь.

⁷ Вондулук — устойчивый постоянный ветер любого направления на Белом море.

⁸ Кряж — невысокая горная цепь, холмистое плоскогорье.

⁹ Рюжа — у поморов натянута на ивовые обручи сеть для ловли рыбы.

¹⁰ Боты, кочи — поморские морские суда.

¹¹ Шанежники — прозвище жителей архангельских земель, полученное от всех соседей за любимое лакомство — шанги.

¹² Пал — от глагола «палить».

¹³ Жито — зерновые злаки: рожь, пшеница, ячмень.

¹⁴ Пестерь — плетённая из лыка корзина, короб.

¹⁵ Гандвик — скандинавское название Белого моря.

Денис Владимирович МАКУРИН

родился в 1981 году в посёлке Каменка

Мезенского района Архангельской области.

Литературным творчеством увлёкся недавно.

Пишет рассказы, в основном о детях и для детей.

Автор книги «Морские волки».

Публиковался в журналах «Двина», «Север», «Иван-да-Марья».

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза».

Живёт в селе Холмогоры Архангельской области.

